

Василий Дроздов

Гибель церковного отдела

воспоминания очевидца

Василий Павлович Дроздов

Гибель церковного отдела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27342004

SelfPub; 2017

Аннотация

Это фантастическая книга о людях, борющихся с пороками в церковной среде. С бюрократизмом, жадностью, ложью и т.д. И как им тяжело порою приходится.

Музыка церковная, слова народные.

Вы правы, не стоит это выносить наружу. Это боится света. Но оно должно быть на свету. Если не знать, что в лодке дыра, то и утонуть совсем несложно. Лучше бы дырку-то заткнуть.

Я знаю, что некоторые обвинять меня в том, что я пишу всякую дрянь про церковь. Эти люди не понимают, что всякая дрянь уже давно поселилась в церкви, в церкви понимаемой, как организация. В которой, к сожалению, есть место всякой дряни. И цель этого произведения попытаться доступными методами если не освободить церковь от дряни, то хотя бы выявить ее для уборщиков.

Но найдутся и такие, которые назовут меня лакировщиком действительности. Это те, кто в реальности столкнулись со всякой дрянью. И многие из них не выдержали и покинули церковную ограду или, увы, сами стали такой дрянью.

Я не придерживаюсь документальной точности, многие образы собирательные, но все они из жизни. Хочу еще сказать в свое оправдание, что все виды оружия уже испробованы. Им кажется, что они всесильны и ничто им не угрожает. Что им должно повиноваться все, даже и стихии. И все это только по принадлежности к власти, по хиротонии или просто приближенности к архиереям. Что они уже святы, потому что по преемству дана им власть делать, что угодно, и все сделанное будет свято. И, разумеется, нет оружия, которым

с ними можно воевать, только бы власть мирская, пусть даже разбойничая, благоволила. Но они ошибаются: осталось маленькое копье, которым можно наносить удары по бумаге, страшное оружие на все время – перо. Остался смех, который, как известно, побеждает все. Они думают: «После нас хоть потоп – дайте нам сегодня насладиться властью». Они не думают о том, что отталкивают людей от церкви своими мерзостями. Они опустошат ее и потом тихо отойдут в сторону или в тот мир, в существование которого они никогда не верили или с семинарских лет забыли эту веру. Нам же оставят руины, потому что построенные ими карточный домик рассыплется при слабом дуновении мира сего. Те, что помоложе предусмотрели это и построили себе хоромы со всевозможными защитами и охранами. Но не бойся читатель, и в руинах можно жить, если построить кущи с Божьей помощью. О кущах в действительности и есть это произведение.

Если кто-то узнает себя в героях произведения и вспомнит, что он также работал в подобном отделе, то пусть не верит своим глазам, это написано не про него. И главное пусть никому не говорит: герои этой повести настолько типичны, что невозможно с уверенностью отнести их к каким-то конкретным лицам.

Раннее осеннее утро тихо пробиралось по улицам. Тишина была нарушено звоном упавшего бокала. Вернее, стака-

на. Это о. Андрей упал лицом в салат, при этом рука его инстинктивно выпустила недопитый бокал. Но бокал тогда не разбился. Это главное не действующее и не лицо погибнет через пару часов во время второй попытки и положит начало самому серьезному действию. Да еще сторож Матвеич похрапывал в своей каморке на старом продавленном диване, подаренном одной благодетельницей. Все же остальное было тихо и неподвижно, даже покосившаяся вывеска над дверью: «Социальный отдел церковного сотрудничества». Утро склонно к размышлениям, но и оно не способно угадать смысл этого названия, потому что его нет. Но, впрочем, если долго искать, его все же можно найти: он в открытости всем видам взаимодействия со всеми.

Пока о. Андрей лежит в салате, надо рассказать об этом лице, заслуживающем самого внимательного рассмотрения. Длинные светлые волосы свидетельствуют о его следовании традициям. Падение лицом в салат, тысячу раз отработанное, – следствие его двухгодичного запоя. Этакая ежедневная гимнастика. Сегодня этот прыжок вполне законен: наступил день, когда ему не нужно служить – вот можно и отсидеться. Его широкую грудь, спрятанную сегодня в подрясник, некогда украшали советские и российские ордена. Он участник всех конфликтов, горячих точек и прочих неприятностей, решивший, в конце концов, посвятить свою жизнь Богу. И на этом-то пути его поджидает снайпер, не поймавший его на мушку в прежней жизни, сейчас же имеющий

большие шансы на успех. Про этого человека можно сказать, что если бы он перестал пить, то такое бы произошло... Впрочем, оно и произошло, но об этом позже. Не трудно понять, что из-за значимости этого человека есть люди, заботящиеся о его большом и требовательном горле.

Утро началось как обычно: Матвеич покряхтел, покряхтел и пошел отпирать калитку. И, как всегда, вовремя к ней уже подходила Прокофьевна, старушка неопределенно внушительного возраста и определенно невнушительного роста. Время пригнуло ее слабое тело к земле, говорила она так тихо, что мало кто мог её услышать. Прокофьевна выполняла всю черновую работу и в отделе, и в храме, за что милостиво допускалась к трапезе, разумеется, после старосты, батюшек и другого начальства. Еще через 30 секунд через калитку прошел диакон Неполучайло, в течение последних 10 лет непрерывно служивший литургии, когда им положено совершаться. В его обязанности входило почти все, что не совершала Прокофьевна. Приготовить все необходимое к службе, помыть полы в алтаре, вытряхнуть коврики, убрать паутину, развивавшуюся в алтаре с необыкновенной скоростью, почистить ботинки настоятелю и надеть дежурную радостную улыбку к встрече их обладателю в те редкие дни, когда тот служил. Так и стоит у меня перед глазами картина: вот величественно проплывает в алтарь первоиерарх всея прихода. Плавно входит в предупредительно открытые северные ворота, не достаивая никого своего приветствия, плывет че-

рез горнее место на южную сторону алтаря. При этом он не вертит головой по сторонам, смотрит только вперед, чтобы ни произошло и кто бы ни попался на его пути. Настоятель в детстве маленьким мальчиком видел подобного отца протоиерея в епархии и сразу решил стать именно таким. Но вот он приближается к шкафу, а Неполучайло семенит за ним мелкими шажками. Вот он поворачивается и разводит слегка руки за спиной, а Неполучайло проворно и с легким поклонном снимает с него безрукавку из черно-бурой лисицы. Движения эти настолько отработаны с обеих сторон, что, кажется, могут совершаться с закрытыми глазами. Но это бывает только по воскресеньям или большим праздникам. В остальные дни службы в храме совершают отцы Иоанн и Степан.

Вообще в отделе работает 42 священника, 15 из которых состоит в штате данного храма, но как-то уж получается, что все будничные службы совершает о. Степан, когда их не совершает отец Иван, и, наоборот, их совершает отец Иван, когда их не совершает отец Степан. Также они совершают и большинство треб, правда, только те, которые требуют опыта и некоторого мастерства. Скажем, освятить «Жигули» – это им доступно, иномарку освящают священники более высокой квалификации, «настоящие» священники, как в кулуарах называет их о. настоятель.

Что же до 42 отдельских священников, то непосвященному не стоит удивляться такому большому числу: 21 из них в отделе никто никогда не видел. Да, впрочем, общее количе-

ство секторов не знал даже сам его начальник. Были сектора по связям с границей, СНГ, милицией, полицией, коммунистами, фашистами, правительством, женщинами. Были уж и вовсе загадочные сектор по связи с космосом и по связи со связями.

Что касается отделов коммунистов и фашистов, то они были созданы на всякий случай, тщательно засекречены и расположены на минус 14 этаже. Вообще-то здание отдела было построено на пожертвования верующих, сильно сокращенные не имеющими отношения к Церкви нуждами. Поэтому здание хоть и было кирпичным, но казалось ветхим с самого своего рождения. Оно почему-то давало крен на правый борт, но все-таки не падало.

Против связи с космосом протестовал отдельский богослов Ивановский. Космос, по его словам, это плохо. В космос вообще летать нельзя, так как возникают дыры в носфере, в которые устремляются бесы. Он все время сидел с ноутбуком на ступеньках отдела и что-нибудь быстро строчил. Идеи его захватывали внезапно, он хватал компьютер, но почему-то всегда оказывался на одних и тех же ступеньках. И сотрудники, входившие поутру в отдел, почти каждый день могли видеть породистого человека, напоминающего одного из ветхозаветных пророков. Выражаясь же грубым языком, которым в отделе выражались почти все, его прохватывал словесный понос, и ступеньки были самым надежным местом, где можно было освободиться от зловонной

дряни. Но надо отметить, что Ивановский был человеком узким и писал всего в двух жанрах: гневные обличительно-ругательные статьи против всего мира и нежно-хвалительные оды патриарху. Закончив гневную статью и испугавшись последствий, он тут же строчил нежную. И это всегда действовало, его всегда брал под защиту кто-нибудь из сильных мира сего, а православные люди были очень смиренными и никогда Ивановского не били. И вот сейчас, несмотря на раннее утро, справедливо выгнанный родственниками за непрерывный стук (я имею в виду ноутбук) из дома, он уже творил на своем обычном месте. Сейчас он уже закончил статью по поводу преимуществ юлианского календаря и приступил к хвалебной по поводу подписания какого-то договора православной церкви с министерством экономического развития и торговли. Оду было писать легко, а написанию статьи предшествовало долгое размышление: писать о достоинствах юлианского календаря или уже начать проповедь о необходимости календарной реформы? После долгих мучений Ивановский решил, что требовать перехода на григорианский календарь еще рановато, так как массы не созрели, а начальство еще не требует, и со спокойной душой занялся ревнительством.

Когда Неполучайло проходил мимо богослова, то он незаметно пригрозил богослову кулаком. Дело в том, что богослов написал разоблачающую статью про диаконов на примере Неполучайло и даже снабдил ее некоторой аннотацией,

и все это отправил в Немытный переулочок. В аннотации, к статье, впрочем, не имевшей никакого отношения, говорилось, что Неполучайло не почитает, как должно, патриарха, и поэтому дома у него нет ни одного портрета первосвятителя, что было форменной клеветой. У Неполучайло был слайд в шарике, на который тот иногда засматривался. Там Неполучайло стоял рядом с иерархом. Фотография была сделана сразу после окончания тогда еще просто Неполучайло Сорбонны. Но Ивановский не мог видеть этого слайда, тщательно скрываемого диаконом, и поэтому написал донос. Впрочем, Неполучайло удалось оправдаться: он говорил, что хранит все ЖМП с 1909 года и каждый день после вечерних молитв их открывает и смотрит на фотографии Святейшего, которые всегда печатались там на каждой странице.

У владыки Аверкия, разбиравшего это дело, возникли смутные подозрения. Ему казалось, что ЖМП начал издавать Струве в 1914 г., поэтому диакон не мог иметь номеров с 1909 г. Дело в том, что владыка обладал феноменальной памятью и мог вспомнить все мельчайшие детали из жизни Святейшего, скажем, где он был такого-то числа, и что тогда пил в 10 часов утра: чай или кофе. К сожалению, хотя он и кончил и семинарию, и академию, но ни разу не присутствовал на занятиях. Как он попал прямо с поля к будущему первоиерарху, так у него и остался на всю жизнь. И никогда ему не удалось от своего начальника отлучиться. Даже на занятия.

Его семнадцатилетним юношей увидел по телевизору епископ Дидим во время футбольного матча, когда тот впервые вышел на замену. Дидим, никогда не ошибавшийся, сказал: «Отличный из него выйдет монах, и, разумеется, владыка. Привезти его сюда». Но в окружении Дидима тогда уже были агенты будущего патриарха, тут же последнему было сообщено об этом, и будущего Аверкия перехватили. Пророчество Дидима сбылось: он стал монахом и, конечно, в скором времени владыкой, но в лагере его противников.

Аверкий был, как вы понимаете, совсем не глуп: тут же вызвал младшую дочку мятежного диакона, дал ей шоколадку и узнал от нее, что она точно видела, как папа лежит по вечерам на кровати и смотрит в ЖМП. «Молодец», – с досадой сказал Аверкий, забирая у девочки шоколадку, и диакон был спасен. Говорят, что, выходя из здания на Немытной улице, диакон Неполучайло шептал: «Правильно меня учил старец: «Читай перед сном ЖМП, очень помогает от бессонницы». Прозорливый старец, святой, только это меня и спасло».

Неполучайло быстро вошел в алтарь. Ему надо было спешить: до службы оставалось всего полтора часа, а надо было помыть пол в алтаре, протереть окна, очистить стены от сажи, налить воду в умывальник, вынести таз с грязной водой, набрать воды на водосвятный молебен. И, конечно, приготовить вино: средненькое на службу, хорошее на запивку. Впрочем, хорошее на запивку бралось только, когда служил

настоятель или кто-то из «настоящих» священников. К чести Неполучайло можно сказать, что он по возможности якобы по рассеянности путал хорошее и плохое, за что был не один раз серьезно наказан.

Вы спросите: «А были ли в этом храме алтарники?» Конечно, были, но приходили они как-то неожиданно, денег не получали, все были как на подбор детьми важных родителей и приезжали в храм на серьезных иномарках. Когда они появлялись, у Неполучайло появлялись проблемы. От всех этих проблем у Неполучайло кружилась голова, и он иногда мог прочесть девятый час вместо первого, чего, впрочем, никто из «настоящих» священников не замечал. Но когда вместо Евангелия он начинал читать апостол, это уже все замечали. За это, и особенно за вино, настоятель частенько бил его личным посохом по голове, отчего та у Неполучайло работала еще хуже. Отцов Степана, Ивана и Неполучайло хотели все время уволить, выгнать под запрет или просто вон. Один раз уж совсем собрались, но тут выяснилось, что служить-то в храме будет некому. И к тому же затраты на всех троих были слишком низки: все трое в сумме получали половину от того что получал помощник зама старшего бухгалтера. И их решили оставить: все-таки храм не может стоять без службы.

Один словом, начинался обычный отдельский день. Вот пробежал служивший сегодня отец Степан, за ним шел в три погибели согнувшийся Матвейч, который нес синодики. В

эти синодики были записаны все работавшие в отделе и не работавшие, но когда-либо попавшиеся на жизненном пути каждому из 42 отделиских священников, а так же все исторические православные личности, все упоминающиеся в летописях и даже в устных преданиях. Так что можете себе представить, что это были за помянники. И все 42 священника охотно записывали новые и новые имена, потому что вынимать частицы на проскомидии было обязанностью отцов Степана и Ивана, а потреблять дары, соответственно, отца Неполучайло. Поэтому каждый день бралась трехлитровая чаша, и Неполучайло мог уже свободно не вкушать пищу до самого ужина. Посему настоятель мог экономить на его содержании. Что он с успехом и делал. Не нужно говорить, что отцы Степан и Иван должны были приходить за два часа до начала службы, чтобы успеть вынуть частицы хоть за какую-то часть вписанных в синодики. Каждую неделю настоятель ругал отцов за то, что они не успевают ежедневно вынимать все частицы и каждый раз ударялся в воспоминания, как он в былые годы, когда не был обременен важными церковными и даже государственными задачами, начинал проскомидию с вечера, сразу после всенощной, и едва успевал закончить к началу литургии, и так подряд в течение шести лет. При этом он служил без дьякона и каждый день (а служил он тогда ежедневно) потреблял по пятилитровой чаше. И все делали вид, что верили.

Вина тоже шло немало, что очень удручало настоятеля,

так что он даже плакал по ночам. Но слезы были проливаемы им не зря: вдруг в отделе объявился какой-то грузинский генерал, который пожертвовал целую цистерну вина. Настоятель возликовал и поставил к цистерне часового, специально позаимствованного из одной части спецназа, чтобы охранять драгоценный дар от о. Андрея и некоторых лиц, способных покуситься на святыню. Но со временем стало ясно, что дару ничто не угрожает, так как он уже долгое время стоял на улице и представлял собою сухое вино. Но благодению грузина не суждено было погибнуть: умнейший настоятель поручил одному из двоих братьев-алтарников Питыко каждый день во время проскомидии засыпать вино изрядным количеством сахарного песка. Ну не мог же он это поручить несознательному Неполучайло, который готов был расточать приходские деньги на покупной кагор. Да и отцы Степан и Иван всегда в таких случаях начинали нытье об «Известии учительном» и канонах. Но так как они до конца все же не разложились, то не смели воспрепятствовать алтарнику выполнять святое дело послушания.

Но вот Матвейч вышел из храма, взялся за метлу и начал торопливо мести асфальт. Он прекрасно знал, что если кто-нибудь из начальства заметит хоть одну соринку, то заставит его и Прокофьевну, профессора и КО, одним словом, как он говорил, низший класс, чистить все зубными щетками. Из низшего класса только генерал освобождался от такого рода наказаний, ввиду его бывших боевых заслуг. Ко-

гда же это случалось, после аврала профессор обычно начинал скулить о какой-то справедливости, и генерал утешал бумажную душонку воспоминаниями: «Вот помню, батя рассказывал, как аккурат после войны, бывало, их также заставят плац чистить зубными щетками...». Веселый был генерал, никогда не унывал. В сторожа его взяли только за орден — все-таки это было важно: въезжает настоятель, о. Владимир или владыченька на храмовый двор, а ворота им открывает генерал при всех регалиях. А так генерал был неблагонадежным: ругал власть и, говорят, даже готовил переворот, за что был отовсюду изгнан и вычеркнут из списков хозяев жизни, так что ему уже не полагалась общественная собственность для приватизации. Но он не унывал, жил в однокомнатной квартире со своей генеральшей и, всякими приежими и бежавшими откуда-то родственниками, и как всякий православный человек в отставке, пошел в церковные сторожа. Ему здесь очень понравилось, и он часто приговаривал: «Эх, здесь даже покруче, чем у нас в армии».

Генерал иногда, когда на него нападали разные там воспоминания, захаживал к о. Андрею, где они за парочкой, тречкой, четверочкой бутылочек вспоминали старые добрые военные времена. Но это случалось редко, в основном компанию генералу составляли прапорщик Приходько, дворник Матвейч и профессор Чижиков. Последний, говорят, был даже член-корреспондентом какой-то академии, но тщательно это скрывал, потому что уже за одно университетское обра-

зование был презираем всеми благодатными лицами. Потому что сами лица нигде и никогда не учились, даже если учились где-то.

Он любил поспорить с ученым о разных новых вооружениях, обсудить тактико-технические возможности наших танков и самолетов и поговорить о разных новых разработках. В отделе, собственно, никто не знал, каких именно наук профессором был Чижиков, потому что он разбирался абсолютно во всех науках и говорил на всех известных языках. Но со временем как-то забылось, что Чижиков был профессором. Даже не забылось, а просто эта добавка по отношению к его фамилии вышла из употребления. Мы все прекрасно помним, что такой-то важный человек что-то кончил и не устаем всем напоминать об этом. Мы помним, и то, что такой-то неважный человек имеет такие-то степени, является лауреатом, но разместили эти сведения в дальнем хранилище, чтобы неважные не вылезали со своими степенями и премиями. Всем, конечно, встречались такие люди, несоответствующие своим внешним видом и общественным положением тем значительным званиям, которые несомненно случайно носили. Так приставка «профессор» как-то затерялась в обычной жизни Чижикова (не без его ведома), но его как сторожа иногда привлекали к более высокой деятельности, когда кому-нибудь надо было написать сочинение для академии или составить нетривиальный доклад, в котором кроме слова «ура» содержались бы еще и другие понятия.

Вы спросите, как здесь оказался Чижиков? Дело в том, что он, как и Матвейч, Прокофьевна, генерал и прапорщик, был человеком верующим и, как только ему перестали платить зарплату в институте, он сразу устремился, конечно же, в церковные сторожа. А действительно, куда еще податься верующему православному человеку, к тому же еще честному? Зарплату ему как профессору все же платили, но она была раза в три меньше церковной. Таким образом, едва отличалась от нуля. Одно было плохо с Чижиковым: он совсем не мог управляться с метлой и лопатой. Когда ему приходилось помогать своему лучшему другу Матвейчу, то смотреть на него было страшно. Когда он убирал снег, то умудрялся собирать не в сугроб, а опять разбрасывал по двору. С метлой получалось еще хуже: он поднимал такую пыль, что храм скрывался как бы в тумане. Еще хуже он выполнял свои обязанности сторожа: не умел быстро и бесшумно удалить ненужный элемент из храма. Вместо решительных действий он начинал этот элемент уговаривать и стыдить. Но его терпели, и дальше мы узнаем почему.

Но вот Матвейч сорвался с места и побежал открывать ворота для лимузина владыки. «Сорвался» – сказано, конечно, с преувеличением, Матвейч умело изобразил рвение, в действительности никуда не спеша. На территории отдела все еще проживал его бывший начальник владыка N. Он был отставлен, но для церковной пользы оставлен. Вот лимузин въехал, из него проворно выскочили двое отдельных свя-

щенников и через минуту вывели владыку, плотно прижавшись к нему с обеих сторон. Сам владыка стыдливо прятал лицо за наметкой. Он смотрел строго вниз. Постановлением начальства разрешалось ему выезжать только так. Он всегда должен был смотреть только в пол. Судьба опального епископа была трагична из-за происков врагов православия. Патриархию завалили жалобами, и секретарь о. Василий едва не лишился жизни. Когда кто-то открыл дверь в его кабинет, то был сбит с ног кипами бумаг, которые уже достигли потолка. Из глубины кабинета из самой толщи этой писчебумажной фабрики, слышались сдавленные стоны отважного секретаря. Только после этого Сам дал указание принять меры по поводу жалоб. Из всех жалоб выбрали верхний слой. Его составили 1573 письма из МВД, ФСБ, ФаПСИ и МАпСИ по поводу неудачно безнравственного поведения, и разные документы, сообщавшие о возбужденных уголовных дел и об их закрытии. Но основную массу составляли частные письма граждан. Этого показалось достаточно. Все дела были посвящены одной статье уголовного кодекса... После этого было решено отстранить владыку N от командования отделом, переселить его со второго этажа на минус пятый и разрешить выходить только на воскресные богослужения, смотря строго в пол, чтобы не увидеть что-нибудь искушающее. Несколько раз ему разрешалось таким же образом выезжать, чтобы развеяться.

Воскресный выход владыки на богослужение представлял

величественное зрелище. Десять священников шли двумя колоннами по обе руки от владыки. Шли они затылок в затылок, коротко стриженные, в темных очках. Их лица были бесстрастны и не выражали никакой существенной мысли. Посредине шел владыка, смиренно вперив взор в землю. А впереди строя суетились генерал, прапорщик, Чижиков, Матвейч и Прокофьевна, раздвигавшие толпу и убиравшие с дороги мальчиков моложе 18 лет, дабы на них случайно не упал взор опального владыки. Однажды, перед плотной стеной народа неведомо откуда выскочил маленький, розовощекий, кудрявенький толстячок и уставился своим бесстыдным взором прямо в лицо владыки. Маска смирения покинула лицо истомленного постом и воздержанием владыки, и он рванулся навстречу этому малышу. Далее десять священников едва смогли удержать бедного владыку. Пришлось его, плачущего, отнести на руках обратно на минус пятый этаж. В этот день владыка более на богослужении не появлялся. После этого по толпе прошел благоговейный трепет. Многие уже догадывались о благочестии владыки. А сегодня они сами стали свидетелем священного гнева владыки, когда малыш дерзко выскочил перед царскими воротами пред владыкой, тем самым оскорбив и храм, и священный сан епископа. По требованию прихожан настоятель храма отдал распоряжение Чижикову занести этот случай в летопись храма... А начальник отделения милиции, по воскресеньям посещавший храм, вздохнул радостно и свободно, ему не придется

оправдываться перед своим начальством, почему он не доглядел за владыкой и опять пошли заявления.

Надо сказать, что Чижиков выполнял послушание историографа небрежно, и редко что заносил в летопись. И в последнее время только, когда было на то высочайшее соизволение. И записи были отрывочные, разноплановые и представляли собой дикое смешение стилей и настроений. Частью это были пафосные описание бесконечных бдений и постов настоятеля, много говорилось о том, как он молился со слезами, возвышался умом на небеса. И написано было настолько плохо, что просматривалась злая ирония, которой подпитывался автор, переходящий порой к откровенным издевательствам. Но все же настоятель был не слишком тонким человеком, и ему эта поэзия перед портретом Салтыкова-Щедрина очень нравилась. К тому же, как слишком простой человек он любил стихи в стиле Ошанина, только на церковные темы. Насытившись слезливыми репортажами о настоятеле, Чижиков начинал какие-то нервные записки о всяких дурацких происшествиях, прикрашенные им в своей дурацкости. То как диакон на второй пасхальной литургии упал в народ. И это было нехорошо по отношению к Неполучайло, которые ничего не получал, даже и рюмку водки на праздник, а упал по причине распадающихся ботинок. Писал он и о крысе, упавшей по случайности в кастрюлю с супом и «героически выловленной из кипящего котла героиче-

ским генералом». При этом герой сделал это так быстро, что крыса будто бы не успела ничего распространить от своей плоти на общую трапезу, и суп был по благословению признан соответствующим санитарным нормам. Записи были и про барана, подаренного храма какими-то ассирийцами что ли, про раскрытую благодаря пронизательности настоятеля кражу левых церковных крестиков, про пьяного строителя (а где как не на высоте дадут спокойно выпить), снятого с лесов бесстрашным настоятелем, и многое другое, что было с гневом вычеркнуто настоятелем из журнала. Сам же журнал сожжен, история переписана, Чижигов был за свою антицерковную деятельность разобран на общем собрании, но помилован и получил очередной выговор и епитимью виде 1000 поклонов.

Чижигов в то же воскресенье после вечерней службы прочитал перед почетным собранием из генерала, прапорщика, Матвейча и Прокофьевны длинную лекцию о роли мальчиков в истории. Прокофьевна истово крестилась и часто-часто приговаривала: «Вот сатаны, вот антихристы!» Из лекции уставшие после трудового дня слушатели сделали вывод, что раньше в высших кругах с мальчиками тоже были проблемы. Испили чайку, который никто из высших не захотел взять с канона, и безмятежные и нежные разошлись по домам. Как было не быть нежным, если нежен был вечер с красным, почти что коммунистическим закатом? Который напомнил старым людям недостатки прошлого време-

ни: соцобеспечение и пусть формальные, но все же разговоры о равенстве и братстве. А православному человеку много ли надо для нежности? Много ли ему надо, чтобы успокоиться и всех полюбить? Даже коммунистов, которых каждое воскресение, клеймил в проповедях настоятель, за неуважение к главной святыне человечества: частной собственности! Только в голову прапорщика Приходько вкралась мысль, что Чижикову было поручено прочитать эту лекцию для успокоения масс. Что было чистым наветом: никто об успокоении масс не думал, потому что начальству было уже давно ... все равно, что думают массы.

Чижиков, как будто почувствовал, что мы сосредоточили на его малозаметной фигуре внимание, и вот уже повернул со Средней Ольховской улицы в переулок и подошел к церковным воротам. Приветливо крикнув своему другу Матвеечу традиционные православные «с праздником» и «помогай Бог» и блаженно уловив на ходу «спаси тебя Христос», он, не отвлекаясь, проследовал к двери отдельского дома. В его голове как всегда бегали различные научно-изобретательские мысли.

Сейчас он спешил вниз на 14 этаж, где последнее время сфокусировались все его интересы. Вы спросите: «Неужели в отделе занимались наукой?» Еще несколько лет назад я бы не поверил. Действительно, как ни трудно совместить отдел с мыслью пусть самой ничтожной и слабой, но, тем не менее, оказывается, он в лице своих лучших представителей

нашел с ней точки соприкосновения. Получилось нечто вроде гражданского брака.

Чижииков прошествовал мимо темных деревянных под старину дверей. На них красовались золотые таблички с надписями: «Сектор связи с границей», «Сектор связи с ФСБ», «Сектор связи с разведкой и контрразведкой», «Сектор связи с регионами» и так далее, и тому подобное. Сектор связи с границей, как и сам отдел, некогда возглавлял сам владыка N до тех пор, пока по заданию иностранных спецслужб на него не напали искусители со своими мальчиками. Честно говоря, владыка недолго сопротивлялся всесильному тлетворному Западу и быстро сдался. А еще честнее говоря, то и до спецслужб со своими масонами он тоже ими интересовался, только спецслужбы представили ему более широкие возможности. А если уж совсем честно говорить, и тайно на ушко, то никакие спецслужбы владыкой никогда не интересовались, и эта версия была приготовлена для наиболее продвинутых мирян, которые пока еще суют свой нос в церковные дела и не могут ограничиться восторженным лицемерием смиренного владыки издалека или на портрете. Биография владыки не была особенно интересной. Его нашел все тот же Дидим, когда владыка подвизался в комитете по борьбе с кошками. И до сих пор, как говорят злые языки, от него пахнет кошками. По официальной биографии владыка был столичным жителем, сыном почтенных родителей, но в реальности почему-то приехал из деревни заниматься борьбою

с кошками. Поймите правильно: с одной стороны, он этих кошек ненавидел, а с другой в столице в то время больше нигде не брали лимитчиков. Там-то и нашел его Дидим, когда владыка умудрился похитить его любимого котика. Дидим сразу понял, что такие люди нужны церкви, и через несколько лет владыка возглавил отдел и стал епископом. Не надо говорить, что любимым зрелищем аскетичного владыки была вторая серия «Собачьего сердца».

Вот загадочная вывеска «Сектор связи с разведкой и контрразведкой». Здесь всего два сотрудника, и никто их никогда не видел. Возглавляет сектор отец Х. Даже имя его засекречено. Он в свое время работал почти во всех странах мира и почти на все разведки мира. В конце концов он сам запутался, на кого же все-таки он работал. И тогда он заперся в отеле ... и стал считать, сколько раз он был завербован той или иной разведкой, сколько кому переслал сообщений. Выяснилось, что все-таки больше всего он работал на СССР. Это было явное чудо, после которого он уверовал и стал православным священником. Но агенты всего мира преследовали святого отца. Они не могли поверить в искренность обращения и думали, что это новая легенда. Поэтому ему приходилось скрываться. Хотя опытный Матвеич предполагал, что бывший разведчик скрывается только от о. Владимира, и сомневался и в его сегодняшней востребованности. Так или иначе, неугомонный о. Владимир решил засечь незримого отца и каждый день клал ему на стол бумаги для ознакомле-

ния и подписи. Расчет был прост: или тот появится, или его придется отчислить из отдела. Для этого у дверей и окон было поставлено специальное наблюдение из доверенных отцов и тружеников церкви. Но никто так и не увидел о. Х. Это было очень-преочень удивительно, потому что о. Владимир на столе каждое утро обнаруживал подписанные бумаги. В конце концов, он просто устал придумывать новые мероприятия для сектора: как-то провести занятия по «Закону Божию» среди наших разведчиков в Маниле или устроить торжественное богослужение по поводу юбилея Лонсдейла, или отслужить панихиду по Мата Хари в Германии. Фантазия о. Владимира истощилась, и он бросил эту затею и снял наружное наблюдение. Но низы храма прекрасно знали пожилого человека с опрятной стрижкой в черном костюме, который изображал одноногого и сидел напротив окон сектора разведки и контрразведки. Он неизменно делал вид, что читает газету «Правда» и собирает милостыню. На носу у него были очки в толстой черной оправе с треснутым правым стеклом, как и должно быть у нищего. Генерал и Чижиков к нему подходили и просили сменить чтение, ибо «Правда» сегодня стала неактуальна, да и собирать подавание в строгом черном костюме как-то неудобно, но он каждый раз огрызался, что не может держать в руках эту современную чушь, а «Правда» устареть не может. И деликатно просил их не лезть не в свое дело, прозрачно намекая, что с советчиками в свое время разберутся. Неясно было только, как ему удавалось каж-

дый раз приносить новенький нечитанный номер «Правды» двадцатилетней давности. В этом и заключалось высокое мастерство контрразведчика.

Старый контрразведчик бывший о. Ростислав тоже охотился за своим шефом отцом Х. Дело в том, что это и был второй сотрудник сектора. Он иногда общался с начальником посредством шифровок, но никак не мог выйти на его след. Зачем ему было это надо, он и сам не знал, но уверял, что ему было дано такое задание еще в советское время. Это было чистой воды выдумка, потому что о. Х в те годы еще не был священником. Правдой было только то, что с момента образования отдела бывший о. Ростислав был прикреплен к нему в качестве сотрудника и информатора.

Бывший о. Ростислав имел за плечами поистине боевое прошлое. Во время войны он был еще очень молодым человеком. Однажды его вызвало начальство и сказала, чтобы он готовился к выполнению важного задания в тылу врага. Работать надо было священником в одной из церквей на оккупированной территории. Юноша попытался запротестовать, но отказаться было нельзя – партия велела. Он отпустил жиденькую бороду, прошел в течение трех месяцев обучение и отправился в тыл врага. Предание утаило, были ли совершены над ним церковные таинства, но даже если и не были, то церковный народ все стерпит, вынесет и «чистую ясную грудь проложит дорогу себе...»

Служба шла у нашего героя хорошо, он быстро вжился

в образ, даже научился читать проповеди о смирении и покаянии, во время которых народ плакал. Простите уж меня за этот церковный штамп, но именно так оно и было. Но вот произошел один случай: в храм зашла молодая девушка, красавица необыкновенная. Исповедовалась, причастилась. О. Ростислав попросил задержаться ее после службы, дал напутствие, исполненное промыслительного содержания и отправил с миром. Сам же направился в свою келью, снял рясу и повесил на гвоздь, быстренько надел цивильный костюм и пошел вслед за девушкой. После недолгого объяснения девушка согласилась быть его женой. Прекрасная и милая, она все поняла, и они прожили хорошую и долгую жизнь. Скоро о. Ростислава отозвали в тыл, в город пришли русские войска, и влюбленные навсегда воссоединились. Только перед самой перестройкой о. Ростислава по старой памяти отправили работать в отдел. И вот он сейчас сидит напротив окон сего богоугодного заведения. Если кто-то задаст глупый вопрос: «А как же так?», – то ответ уже прозвучал выше: «И чистою и ясною грудью...» Только вот какая-то гнида напечатала историю о. Ростислава в журнале «Наука и религия». Истинные данные его были не раскрыты, но... все это говорило об утечке.

Вот приоткрытая дверь комнаты о. Моисея. Его самого, конечно, сейчас нет. Да и никогда нет. Последнее, что мы знаем об о. Моисее, что он уехал окормлять носящих и не носящих крест в Израиль. Как раз началась война в Ливане, из-

раильские войска занялись своим традиционным бомбометанием по мирным жителям, и им очень нужна была духовная поддержка. Отъезду о. Моисея предшествовала яростная дискуссия между богословами Ивановским и о. Африканом. Иеродиакон Африкан был противником Ивановского и во всем противостоял ему. О. Африкан был яростным обличителем всего и особенно благочестия, потому что за благочестием всегда скрывалось фарисейство, оккультизм, магия и сектантство. Поэтому если о. Африкан слышал что-то про верующих людей, то тотчас туда устремлялся к ним и всех выводил на чистую воду. Кто за что выступал в этой дискуссии, никто из отделившихся уже не помнил. Но всем показалось, что в ходе дискуссии спорщики несколько раз менялись местами. Скорее всего о. Африкан вступился за о. Моисея как бывшего своего однокашника по небезуспешному обучению на кафедре атеизма. В конце сошлись на том, что всякая душа – христианка, и поэтому евреи тоже в глубине души христиане. Обычно такие диспуты проводились в отделившемся конференц-зале. И для остроты ощущений и разрядки отрицательных эмоций сражающимся выдавались подушки. Каждый аргумент сопровождался ударом. За тем, чтобы подушки были мягкие, следил о. Владимир лично. От удара производился сильный эффект, но в тоже время никто существенно не страдал. Но и о. Ростислав и, разумеется, о. Х. были хорошо осведомлены, что дуэлянты после каждого сражения собирались в одном укромном и небедном ре-

сторанчике, где за рюмочкой или за кружечкой обсуждали бой, посмеивались над зрителями и планировали новые акции. Работа их была вообще очень опасна: надо было яростно сражаться и при этом не зацепить какой-нибудь дорогой хрустальный сервиз или фарфоровую куклу, которых было предостаточно в отделе. Все это были подарки знатных посетителей, политиков, банкиров, послов иностранных держав. А то ведь здорово можно было заработать от хозяина...

Что касается неутомимого о. Моисея, то он все время находился в разъездах. Он очень мучился оттого, что все время находился в отсутствии и не мог в полной мере участвовать в жизни отдела. Но для него невозможно было остановиться и на минуту, нес его куда-то комсомольский порыв. Лицо его не было отмечено особой печатью интеллектуальности. Скорее, наоборот. Но у него была хорошая память, подвешенный язык и большой опыт комсомольской работы. Этот-то опыт подсказывал ему, что необходимо создать эффект своего присутствия. Поэтому он оставлял приоткрытой дверь, на спинку стула по старой привычке вешал пиджак (ну не рясу же вешать!) и уезжал на долгие месяцы. Хотел он с помощью современной науки создать голографическое изображение еще курящейся сигареты в пепельнице, но вовремя спохватился: батюшкам курить вроде не положено. Вместо этого он положил открытый молитвослов поверх разбросанных по столу бумаг. Затем его посетила прекрасная идея. Для воплощения ее привлек все того же Чижикова. Тайно вызвав

последнего в свой кабинет, между поездками на Гонолулу и Огненную землю, он, пригрозив ему всевозможными карами, заставил беднягу воплотить его проект. И теперь входящий видел горящий дисплей компьютера, на котором зримо выполнялась какая-то программа, а из снятой телефонной трубки доносился чей-то голос. Так как на экране даже еще не было заставки, то ясно было, что хозяин только что отлучился на минутку. Система начинала действовать после того, как интересующийся приоткрывал дверь, снабженную соответствующим датчиком. И вот чтобы проверить, как работает система, Чижиков открыл дверь и увидел отблеск светящегося экрана и услышал голос, кричащий из трубки: «Отец Моисей, где вы? Я больше не могу ждать». Чижиков с удовлетворением снова слегка прикрыл дверь. Система работала надежно.

Предстояло пройти мимо самой страшной двери: кабинета второго зама о. Владимира. Николай Николаевич никогда ее не закрывал. И если замечал кого-то проходящего, то тут же приставал к нему с разными расспросами: куда тот идет и зачем. Если несчастный не мог прикрыться какими-то поручениями и распоряжениями высшего начальства, то он придумывал этому несчастному работу: чистить снег с крыши, мыть туалеты или сейчас же отправляться на смотр художественной самодеятельности со странным названием «Молчание». И напрасно было отговариваться тем, что нет голоса или не умеешь плясать... Батюшкам более везло – пля-

сать их не заставляли, но почему-то им приходилось отправляться на футбольные или хоккейные матчи (в зависимости от времени года). И очень повезет такому батюшке, если его поставят на ворота. И на все возражения говорилось, что высказано Мнение, что спортивные игры очень полезны. Ну, с таким Мнением не поспоришь, и приходилось примеривать коньки или натягивать футболку, в зависимости от времени года.

Николай Николаевич был человек добрый и хороший, массивный и с очень красным лицом. Он был весьма аккуратен и обликом вполне соответствовал своей должности. В безупречном костюме с галстуком, всегда гладко выбрит и подстрижен как подобает. Был он, что называется, солидным, то есть не толстым, а полным в той мере, чтобы внушать окружающим уважение. Тот же, кто мог приглядеться к нему повнимательней, не рискуя быть отправленным на какие-то работы, мог бы разглядеть в нем шахтера. И настоящего шахтера, который с ранних лет спускался в забой. Затем, говорят, он служил в армии, попал в дисбат за неизвестные преступления, по слухам, даже идеологические. Затем учился в университете, куда, конечно, в советское время никак не мог попасть после дисбата. В том то и был талант Николая Николаевича: попасть туда, куда нельзя попасть, добыть то, что нельзя добыть, и, добыв, в нужный момент исчезнуть. Дальнейшая его биография покрыта мраком... Но без сомнения он хорошо знал свое дело, ибо уже много лет им занимался,

борясь с религией как опиумом, а потом с атеизмом как сивухой, и никогда не выходил из кабинета. Как это ему удавалось, тоже было никому неизвестно. Уж очень ему не хотелось возвращаться к шахтерскому прошлому: он стал бюрократом высокого класса и постиг эту науку в совершенстве. Он знал, когда что произойдет, кто кого подсидит и когда какой приказ будет подписан. И в то же время Николай Николаевич был человек добрый и в действительности никогда ни с кем не боролся (возможно, даже и с атеизмом), но проходить мимо его кабинета не рекомендовалось, потому что, как было уже сказано: он хорошо знал свое дело.

Чижигов для пущей безопасности не только снял ботинки, но и бесшумно прополз по-пластунски мимо открытой двери. Ученый знал, что угол обстрела не достигает пола коридора. Опасная ловушка была преодолена. Чижигов подошел к лифту и спустился на минус четырнадцатый этаж. Когда дверцы уже закрывались, он все же услышал первые звуки завопившего мегафона. Значит, уже девять.

Это о. Геннадий начал свою разрушительную работу. О. Геннадий смело и бескомпромиссно боролся с существующим режимом, патриархией и самой церковью. И это были только некоторые из его мишеней – в борьбе он был человеком широким. В своих гневных речах на митингах под окнами отдела он раскладывал всех кроме одного – Его. Удивительно, что он никогда от своей смелости не страдал, да и к тому же всегда был руководителем сектора по пастыр-

скому руководству массами и обедать ходил в отдельскую столовую, где закусывал соответственно своей комплекции. Спустя ровно пятнадцать минут с другого угла отдела должен был начать кричать его политический соперник о. Африкан, который говорил примерно то же, но во всем возражал о. Геннадию. Вот раздался и его смелый голос. И Чижиков удовлетворенно кивнул головой: все шло по плану и неожиданностей не предвиделось. Отец Геннадий работал в паре с Ивановским. Дело в том, что с трибуны кричать мирянину было как-то неудобно, и о. Геннадий чаще всего красочно озвучивал мысли Ивановского (тем более, что и внешность Ивановского была не красочная и уж точно не православная). Озвучивать, надо сказать, он умел прекрасно. Говорил громко, с выражением, иногда заламывая руки и даже ноги, и всегда закатывая глаза к небу. И, кроме того, позволял себе мощные импровизации, на которые Ивановский бы не решился, да и которые, честно говоря, Ивановскому были не по душе. О. Геннадий под настроение начинал крыть проклятых ж... (т-сс-сс-сс!!!), масонов, международный капитал и все остальное нехорошее, яростно обличая активное участие во всем этом высшей иерархии, что было, конечно, чистой ложью, абсолютно все, что касалось слова активно. Потому что любой наш современник скажет, что активность несовместима с епископским саном. Аверкий частенько вызывал о. Геннадия для проработки, указывал на недостатки и затем неизменно доставал бутылочку коньяка и добавлял:

«А так ничего работал. Только следи внимательно, чтобы они не вырвались на свободу, а то такого напашут. Кстати, я тебе интересный материалчик нашел...» В случае перегибов Аверкию звонил сам Лазарь и указывал на недостатки. На что Аверкий резонно замечал: «А представьте на секунду, что кто попало будет этим заниматься...» И Лазарь смирялся – все-таки брат по вере Аверкию.

И, конечно, не надо говорить, что о. Геннадий иной раз присоединялся к задушевным беседам, ведомым Ивановским и о. Африканом в их заветном ресторанчике. При этом он часто восклицал: «Ну, как я им врезал? А?!» О. Геннадию все обличения сходили с рук в виду его родственной близости к слишком известной персоне. Но, все равно, Самого он никогда публично не трогал. Ну, а уж непублично, как всякий порядочный священник крыл на всю катушку. Даже без особой подготовки словесной и физической. Словесная состоит в том, чтобы сначала похвалить, а затем сказать: «Но, честно говоря... сами понимаете...», и затем некоторая доля правды по данному вопросу. А физическая состоит в хорошем обеде с бутылкой коньяка, за которой неизбежно следует вторая. В обеде, способном примирить самых непримиримых антагонистов и поссорить самых близких друзей. А уж если правду, – то на всю катушку, как говорят в народе.

О. Геннадий был пухлый блондин, немного смахивающий на свежеиспеченный домашний пирог. Он никогда ни о чем особенно не думал, ничему особенно не учился и ничем осо-

бенно не занимался. В школе он едва дотянул до восьмого класса, при этом всем абсолютно всем было ясно, что это из-за придирок проклятых атеистически настроенных учителей, которые ущемляли потомственного будущего священника. А что он плохого делал? Да ничего! В те дни, когда он приходил в школу, он садился на последней парте, вынимал и клал на стол томик сочинений преподобного Ефрема Сирина. А больше он ничего не носил в своем дипломате. Учителям почему-то это не нравилось. Они шумели... В оправдание о. Геннадия можно сказать, что он и до сих пор не прочитал этот томик. Он был орудием классовой борьбы. И будущий батюшка был прав в классовой борьбе, потому что в итоге потомственное советское священство одержало победу над безродным советским пролетариатом. Это хорошо продемонстрировала наша перестройка. Затем дядя устроил о. Геннадия в какое-то училище, то ли коневодства, то ли какого еще заводства, где он успешно не появлялся и получил хороший аттестат. Потом будущий пастырь кончил семинарию, не московскую, разумеется, но даже не в московской более пытался иподиаконствовать, чем учиться. Поэтому становится ясно, что о. Геннадия кроме яростных обвинений и обличений заняться было просто нечем. К тому же большую часть материалов ему готовил Ивановский, а когда последний уезжал в какое-нибудь турне, то с ним уезжал и о. Африкан, а служили в храме, сами понимаете, о. Иван и о. Степан. И о. Геннадий от нечего делать занялся самоусовершен-

шенствованием и достиг в этом направлении немалых успехов. Он развил в себе удивительную способность: стоило ему заметить какой-то привлекательный предмет, как он через какое-то время неведомым образом исчезал. Причем, по мере его совершенствования предметы становились все больше и ценнее. Немногие знавшие о способностях батюшки уже побаивались, что он дотренируется до отдела. То есть сумеет поглотить весь отдел целиком со всей мебелью, инвентарем и даже сотрудниками. Но до этого, как мы узнаем, так и не дошло, хотя о Геннадию и было суждено сыграть роковую роль в нашей истории.

Тут хочется сделать небольшую ремарку. Перестройка стала удивительным явлением в нашей жизни. Лентяи и бездарности, фарцовщики и хулиганы, едва закончившие десятилетку, сделали головокружительную карьеру и стали лучшими людьми в нашем далеко не лучшем обществе. Те, кто в предыдущей жизни не имели никакой специальности, а только научились, к примеру, немного играть на трубе или рисовать-малевать, обрели в настоящей и доход, и признание. Кто был способен заниматься коммерцией: принимать бутылки вместо двадцати копеек за десять или перепродавать какие-то шмотки, вообще стали великими коммерсантами. Те же, кто по глупости провели свои лучшие годы в технических вузах, горбятясь над учебниками, мучаясь на экзаменах, вкалывая в стройотрядах, в большинстве своем оказались никем, если не сумели, разумеется, вовремя порвать с

проклятым прошлым. Ничего подобного никогда не знала история. Это все нам дала перестройка. Западное варварство оказалось не по силам многим моим одноклассникам. Лучшие так и остались никем, а худшие сделались всем. Мы с супругой изучили статистику по этому вопросу и убедились в истинности русской пословицы: «Трудом праведным не наживешь палат каменных». О. Геннадий хорошая тому иллюстрация. Его дядя, работавший в высших сферах, помог с оформлением этой иллюстрации для современного пособия для лентяев..

Теперь Чижикову предстояло преодолеть сложную систему защиты. Она состояла из гармоничного сочетания новых и древних методов. Если наступить на эту половицу, то провалишься в подвал, то есть на минус пятнадцатый. Если нажмешь ручку двери, не отключив сигнализацию, то раздастся душераздирающая сирена. Если злоумышленнику удастся открыть первую дверь, то на него упадет огромная металлическая палка. И так далее... Секретное помещение скрывалось еще за несколькими дверями со сложными замками, секретами и ловушками. Сюда был запрещен вход абсолютно для всех, кроме о. Владимира, Чижикова и Прокофьевны. Последняя допускалась сюда для уборки. Она в секретных заведениях была незаменимым элементом, так как мало говорила, да еще шепча себе под нос. Да и была настолько стара и так хорошо знала все, что уже произошло на свете и все, что на нем произойдет, что уже давно ничем не инте-

ресовалась.

Но настало время удивиться: откуда в столь порядочном учреждении, где никто никогда помыслить не мог о какой-то мысли, вдруг возникло секретное научное учреждение. И почему туда был допущен неблагонадежный Чижиков? Впрочем, виноват, секретного могло быть довольно много: например, многочисленные жалобы на многочисленных священников отдела, которые хранились в специальной комнате-сейфе. Но там не нужен был примитивный Чижиков. Маленький, тщедушный, лысенький в вечно мятых брюках и нечищенных старых ботинках, он не смог бы написать толкового возражения ни на одну жалобу, потому что не умел заморочить голову, положить под сукно и так далее...

Да и, пардон, были в отделе еще маргиналы, которые старались о чем-то мыслить безо всякого на то разрешения. Это были бунтари о. Иван и о. Степан, пожалуй, к ним можно было отнести и Неполучайло, да и некоторых других лиц, о которых говорить пока рано, но надо обязательно за ними понаблюдать. Что же было в тайной комнате? Почему туда был допущен примитивный Чижиков?

А история этого дела была такова. Однажды к Чижикову подошел озабоченный о. Владимир и попросил посмотреть его компьютер, который находился в маленькой скрытой комнате, всегда запираемой на ключ. Кроме компьютера Чижиков увидел странное сооружение. В стол были вкручено множество болтов, и они соединялись нитями разного

цвета. Около каждого болта значилась небольшая надпись: о. П, вл. М, протод. И. – и так далее. Над всем возвышался большой болт, к которому была прикреплена бумажка с надписью С.П. Так догадливый Чижиков проник в тайну о. Владимира. Скрывать от него ничего уже не имело смысла. И потом, что такое Чижиков? И что он может? Прикажешь ему молчать, и будет, а то придется ему проститься со своей однокомнатной квартирой – нечем будет платить за коммунальные услуги. И к тому же Чижиков тут же сделал важное предложение.

Что же за странная схема была собрана о. Владимиром? О. Владимир, настоятель многочисленных храмов, руководитель самого важного отдела в патриархии, при всей своей занятости был отмечен одним признаком: страшной ленью. Благодаря ей и удивительному честолюбию, он сумел так устроить дело, что все работало без него, а сам он прибывал в мыслях, лежа где-нибудь на диване. В одном храме думали, что он сейчас в другом, в отделе думали, что он на какой-то конференции, на который был его зам и там думали, что он в заграничной поездке. А сам о. Владимир придавался любимому делу, строил планы о будущем православной церкви, проще сказать, интриговал. Он не помнил, в какой именно день ему придумалось нанести схему на бумагу. Ведь трудно держать в голове десятки лиц, и надо знать за какую ниточку подергать, чтобы это отозвалось совсем в другом месте с нужной силой. Затем он нанес схему, которая

скоро весьма усложнилась и потребовала компьютера. Потом решил с бумаги перейти на живой макет. Каждый болт представлял собой определенного человека, и соединялись с ним нитками различного цвета в зависимости от отношений одного к другому. Вот, допустим, надо определить на кого надо воздействовать негативной информацией, чтобы она дошла до определенного лица. Проследим за черной ниткой.

Сначала все было хорошо, но постепенно макет стал усложняться и перестал давать нужный результат. К тому же начал шалить компьютер, который никак не был связан с макетом. О. Владимир не спал несколько ночей, но уже не мог понять за какую нить надо тянуть, чтобы о. В убрался вон, какие нити надо соединить вместе, чтобы образовалась сеть и в нее попался о. П. В отчаянии он пригласил Чижикова проверить на вирусы секретный компьютер, в который носил весь компромат на людей, участвующих в игре. И как вы уже знаете, проклятый Чижиков пришел и сразу все понял. И тут же посоветовал присоединить компьютер к схеме. Саму схему, правда, придется заменить на аналоговую электрическую, разработать соответствующее программное обеспечение. Если подключить компьютер к интернету, то можно получать из него компромат, и тут же анализировать его с помощью определенной программы, а после просчитывать возможные способы воздействия и возможные комбинации. Болты надо по значимости заменить конденсаторами, катушками индуктивности, фильтрами и просто резистора-

ми; в зависимости от роли человека в той или иной схеме ток можно подавать постоянный или переменный, сила тока, понятно, должна тоже меняться. И когда она превысит некоторую величину, то элемент схемы, естественно, сгорает. По-данное вовремя напряжение открывает транзистор и так далее. Схема была сложна, проект грандиозен. Всем должна была управлять машина. Компромата шло множество, часть о. Владимир стал сканировать, часть приходило в виде электронной почты, кроме того, машина два раза в сутки сама проводила поиск по всем важным участникам схемы. Разумеется, с помощью специальных коэффициентов учитывалась достоверность информации. Одним словом, Чижиков замахнулся. Через два месяца почти круглосуточной работы была создана электрическая схема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.